

А. В. Орешников

**Археологические известия и заметки,
издаваемые Императорский Московским
археологическим обществом**

1894 год

УДК 93
ББК 63.3
О-65

О-65 **Орешников А.В.**
Археологические известия и заметки, издаваемые Императорский Московским археологическим обществом: 1894 год / А.
В. Орешников – М.: Книга по Требованию, 2013. – 428 с.

ISBN 978-5-518-04479-1

ISBN 978-5-518-04479-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

печка, окружность которой $1\frac{1}{2} \times \frac{7}{8}$ в., ножка ея, теперь утерянная, была, повидимому металлическая, такъ какъ на днѣ чашечки находятся 2 сверлины; затѣмъ 2 круглыхъ привѣски изъ раковинъ съ отверстіемъ въ срединѣ, 2 лѣсныхъ орѣха и нѣкоторыя мелкія вещи. Самыми выдающимися предметами изъ всей находки представляютъ обломокъ серебряной сасанидской монеты Хозроя I Ануширвана (531 — 579) ²⁾, чеканенной въ Дарабджердѣ на 12 г. его царствованія, т.-е. въ 543 г. по Р. X. Монета имѣетъ сверлину, служащую доказательствомъ, что она

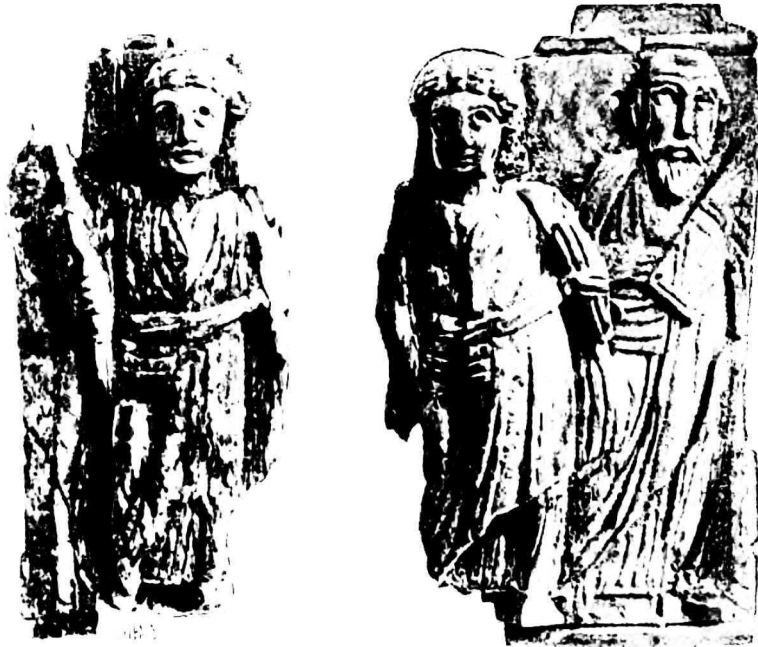

Рис. 1

была привѣскою. Затѣмъ мѣдная круглая бляшка монетообразной формы со сверлиною, съ одной стороны гладкая, съ другой покрытая неяснымъ изображеніемъ фигуры и, повидимому, надписью. (Находка сасанидской монеты VII в. въ Чегемскомъ могильникѣ упомянута проф. В. Ө. Миллеромъ въ ук. соч. стр. 116) И, наконецъ, обломки византійской дарохранительницы (пиксиды), изображенной на прилагаемомъ рисункѣ ³⁾.

Обломокъ представляетъ часть круглой пиксиды (см. рис. 1), которая, какъ показываетъ высота обломка (8 сант.), едва-ли превосходила обыкновенные размѣры подобнаго рода ящичковъ (8—12 сант. въ

²⁾ По опредѣленію В. К. Трутовскаго.

³⁾ Описаніе этого обломка сдѣлано по просьбѣ ред. Д. В. Аймаловымъ, которому приносимъ искреннюю благодарность.

діаметрѣ) ⁴⁾. Чрезвычайная разрушенность обломка, который дошелъ до насъ въ двухъ кускахъ, не мѣшаетъ, однако, составить довольно ясное понятіе о характерѣ всего памятника и опредѣлить смыслъ рельефныхъ изображеній на поверхности этого обломка. Какъ ни мало точекъ для сравненія съ другими памятниками даетъ этотъ обломокъ, однако стиль изображеній является въ этомъ случаѣ главнымъ даннымъ для сужденія о памятникѣ и времени его изготовленія. Прекрасныя, почти античной красоты, фигуры двухъ юношей, напоминающія античныя каріатиды, ихъ цвѣтушія лица, обрамленныя локонами волосъ, лежащихъ на макушкѣ ровными прядями на подобіе волосъ на головахъ архаическихъ статуй, ихъ большіе глаза и тронутые улыбкой концы губъ — все это черты ранняго періода христіанскаго искусства, которое еще держится свѣжихъ традицій античнаго и богатое наслѣдіе античной техники привлекаетъ для исполненія христіанскаго сюжета. Въ этомъ смыслѣ важно указать, что мастеръ чрезвычайно тонко рассчиталъ связь своего сюжета съ той круглой поверхностью, на которой ему приходилось исполнять сцены. Онъ долженъ былъ изобразить движущіяся вправо фигуры высокимъ рельефомъ. Эти фигуры казались-бы косыми, если бы онъ далъ имъ слишкомъ сильный порывъ вправо и потеряли бы свою естественность, слѣдуя за округляющейся поверхностью пиксиды. Смягчая это движеніе онъ изобразилъ фигуру перваго юноши прямо и спокойно стоящей передъ зрителемъ. Плавное движеніе втораго юноши вправо чувствуется въ легкомъ волненіи въ лѣвую сторону изящныхъ складокъ его одежды, обрисовывающихъ изгибъ стана и лежащихъ по отодвинутой назадъ правой ногѣ и облегающихъ лѣвую ногу, дѣлающую шагъ впередъ. Болѣе сильное движеніе дано пожилой фигурѣ, выполненной плоскимъ рельефомъ и тѣмъ самымъ отодвинутой на задній планъ въ глубину сцены.

На ровной плоскости диптиховъ и саркофаговъ мы часто встрѣчаемся съ порывистымъ движеніемъ впередъ цѣлыхъ группъ, что и понятно, такъ какъ взглядъ въ такихъ случаяхъ охватываетъ всю композицію сцены между тѣмъ, какъ изгибомъ идущая поверхность пиксиды требуетъ для обзора болѣе сжатого и уравновѣшеннаго движенія, такъ какъ взглядъ охватываетъ сравнительно небольшое пространство всей поверхности. Этотъ приѣмъ изображенія на закругляющейся поверхности очень хорошо выраженъ на Болонской пиксидѣ, гдѣ зритель, поворачивая предъ собой пиксиду, всегда видитъ цѣлую законченную

⁴⁾ Читатели Арх. Изв. и Забѣтокъ знакомы уже съ пиксидами по обстоятельной статьѣ Е. К. Рвдина, помѣщенной въ №№ 7—8 за 1893 г., въ которой описана древне-христіанская пиксида Болонскаго музея.

сцену. Этотъ приемъ объясняетъ намъ то различіе, которое замѣтно на первый взглядъ между сценой на обломкѣ пиксиды и тѣми же сценами на другихъ памятникахъ. Для опредѣленія содержанія композиціи на обломкѣ очень важно обратить вниманіе на часть изображенія осла, тонкій хвостъ котораго и прекрасно выполненная нога съ копытомъ видны справа отъ зрителя. Осель ступаетъ не по землѣ, а по части плата, поверхность котораго покрыта пересѣкающимися полосками, такими самими, какія можно видѣть на платѣ постилаемомъ подъ ноги ослицѣ въ сценахъ въѣзда Христа въ Іерусалимъ на креслѣ Максиміана, на Эчміадзинскомъ и Парижскомъ диптихахъ. Эта подробность является рѣшающей для всей композиціи. Сцена на обломкѣ представляла въѣздъ Христа въ Іерусалимъ. Изъ двухъ композицій, существовавшихъ въ древне-христіанскомъ искусствѣ V — VI в., въ которыхъ изображается осель: Путешествіе въ Виелеемъ и Въѣздъ Христа въ Іерусалимъ, лишь послѣдняя объясняетъ намъ изображенія двухъ юношей позади осла, которые должны представлять собою юношей израильскихъ, державшихъ вѣтви пальмъ и маслянъ и восклицавшихъ — „осанна!“³⁾ Эти юноши держатъ довольно толстые и короткіе предметы на правомъ плечѣ, которые и должны представлять пальмовыя и масличныя вѣтви. Въ сценѣ Путешествія Богородицы въ Виелеемъ лишь одинъ разъ на Эчміадзинскомъ диптихѣ изображена юная фигура позади осла съ жезломъ въ лѣвой рукѣ, представляющая б. м. сына Іосифа; другая юная фигура въ этой сценѣ, представляетъ Ангела, ведущаго подъ уздцы осла, какъ это можно видѣть въ сценахъ Путешествія въ Виелеемъ, изображенныхъ на креслѣ Максиміана, на пластинкѣ Строганова и на Эчміадзинскомъ диптихѣ⁴⁾. Кромѣ того фигура лысаго съ остроконечной бородой человѣка, который идетъ рядомъ съ осломъ держа длинную книгу ни коимъ образомъ не можетъ быть принята за фигуру Іосифа, голова котораго всегда покрыта кудрявыми волосами, лицо опушено короткой и широкой бородой, и который никогда не держитъ книги, а посохъ. Іосифъ обыкновенно или помогаетъ Богородицѣ сойти съ осла (кресло Максиміана и Парижскій диптихъ) или же идетъ сзади разговаривая съ ней (Строгановская пластинка). Фигура пожилаго человѣка представляетъ въ данномъ случаѣ повтореніе тѣхъ фигуръ, которыя довольно часто изображаются на древне-христіанскихъ саркофагахъ и рукописяхъ. Такъ на Латеран-

³⁾ Мате. 21, 2—10; Маркъ 11, 2—10; Лука 19, 29—38; Іоаннъ 12, 12.

⁴⁾ См. объ этомъ въ описаніи пластинки отъ диптиха изъ собранія графа Г. С. Строганова въ Римѣ въ Арх. Изв. и Зам. № 6, 1893 г., также статью *Е. К. Рюдина*, Диптихъ Эчміадзинской бібліотеки. СПБ. 1891 г. стр. 7.

скомъ саркофагѣ въ сценѣ вѣзда Христа въ Иерусалимѣ одна пожилая бородатая фигура изображена у головы осла, а другая сзади рядомъ съ осломъ. Обѣ фигуры представлены разговаривающими между собою ⁷⁾. На другомъ саркофагѣ того же музея пожилая фигура идетъ позади осла и, протягивая вверхъ ладонь, указываетъ на Христа ⁸⁾. На третьемъ саркофагѣ того же музея ⁹⁾ пожилая фигура идетъ за осломъ, забросивъ правую руку за спину; юноша, идущій рядомъ съ осломъ, поворачиваетъ къ ней голову. Въ Сирийскомъ Евангеліи пожилая фигура идетъ рядомъ съ осломъ и дѣлаетъ жестъ двуперстія говоря съ Христомъ ¹⁰⁾. Въ поздне-византийскомъ искусствѣ также встрѣчается эта пожилая фигура въ описываемой сценѣ, но уже ясно представляющая типъ Апостола Петра, какъ это изображено въ прекрасной Мозаикѣ Палатинской капеллы въ Палермо. Пожилая фигура, такимъ образомъ, представляетъ Апостола, или б. м. даже Евангелиста, сопровождающаго шествіе. По типу ее можно сравнить съ подобной же фигурой на креслѣ Максиміана въ сценѣ исцѣленія слѣпаго ¹¹⁾, гдѣ она держитъ книгу въ лѣвой рукѣ. Такую же книгу держитъ и другой Апостолъ въ сценѣ умноженія хлѣбовъ и рыбъ на томъ же креслѣ ¹²⁾. На книгахъ этихъ двухъ Апостоловъ не изображено креста, какъ нѣтъ его и на книгѣ Апостола на пиксидѣ ¹³⁾. Пожилая фигура въ сценѣ Входа въ Иерусалимъ не изображена ни на Парижскомъ, ни на Эчміадзинскомъ диптихахъ.

Такимъ образомъ, сцена Входа Христа въ Иерусалимъ изображена вообще аналогично со сценами на древне-христіанскихъ памятникахъ, хотя и съ нѣкоторыми отличіями, особенно въ изображеніи пожилой фигуры и ранѣе указаннаго спокойнаго движенія фигуръ. Эти фигуры юношей на указанныхъ диптихахъ и саркофагахъ весьма часто, быстро

7) Garrucci tav. 313, 4.

8) Ibid. 315, 5.

9) Ibid. 348, 1.

10) Ibid. I, III, tav. 137, 2.

11) Ibid. t. VI tav. 419, 4.

12) Ibid. t. VI, tav. 419, 1.

13) Возбуждаетъ нѣкоторое сомнѣніе продолговатая форма книги, которую держитъ пожилая фигура, признанная за Апостола. Всѣ дошедшіе до насъ оклады Евангелій имѣютъ почти квадратную форму, между тѣмъ, какъ книга въ рукѣ Апостола продолговата и напоминаетъ форму консульскихъ диптиховъ (*κώδιξ κωδικέλλος* юристовъ и ипатовъ, см. Du Sange, Gloss. graec. I, стр. 774). Изображеніе Евангелій у Евангелистовъ и Христа никогда не достигаетъ такой длины. Замѣтимъ здѣсь кстати, что изображенія пожилыхъ фигуръ, которыми искусство обставляетъ сцену Входа въ Иерусалимъ, могутъ быть объяснены еще на основаніи апокрифическаго Евангелія Никодима, гдѣ говорится о курсорѣ, встрѣтившемъ шествіе Христа на осла и разспрашивавшемъ о причинѣ возгласовъ народа. Нѣкоторые разговаривающія фигуры на саркофагахъ въ этой сценѣ могутъ быть объяснены этимъ мѣстомъ Ев. Никодима. Ср. Tischendorf, *Evang.*, *Apoc. Ev. Nicodemi*, cap. I.

и радостно поспѣшаютъ вслѣдъ за Христомъ на ослати, дѣлая большіе шаги.

Для приданія большаго выраженія лицамъ, глаза фигуръ углублены посредствомъ небольшихъ дырочекъ, приемъ извѣстный и на другихъ памятникахъ изъ слоновой кости ¹⁴⁾ на консульскомъ диптихѣ Миланскаго Национальнаго музея, на Ватиканской пиксидѣ и др. Тщательная и вмѣстѣ артистическая работа по возможности сглаживающая силу штриха, (далеко стоящая отъ техники Миланскаго диптиха и Вердюнскаго ящика принадлежащаго нынѣ графу Салтыкову, сглаживающей всѣ грубости рѣза и полирующей поверхность рельефа), встрѣчается также среди памятниковъ, современныхъ обломку пиксиды. Кромѣ того, характеръ фигуръ и ихъ лицъ при античной миловидности даетъ уже и тѣ черты, которыя вполне знакомы намъ позднѣе на креслѣ Максиміана, какъ черты вполне обозначившагося стиля, греческаго или византійскаго. Въ самыхъ фигурахъ юношей нельзя не видѣть извѣстной строгости въ выраженіи общаго склада лицъ и постановкѣ фигуръ, особенно хорошо проявляющихся въ лицѣ втораго юноши и въ типѣ старика, служащаго ближайшимъ прототипомъ для подобныхъ фигуръ на креслѣ Максиміана въ Равеннѣ. Болонская пиксида и особенно Берлинская даютъ чистый античный стиль, свободный въ движеніи и, при небрежности работы Болонской пиксиды, лишь еще болѣе говорящій за чистую античную школу. Обломокъ пиксиды изъ Озеруковскаго могильника замѣчателенъ уже тѣмъ серьезнымъ и строгимъ воодушевленіемъ, которое становится достояніемъ византійскаго искусства. Поэтому не можетъ быть сомнѣній въ греческомъ происхожденіи памятника и въ переносѣ его изъ Константинополя на Кавказъ.

Люксембургская пиксида представляетъ почти такой же высокій рельефъ, ту же правильность и миловидность фигуръ, красоту обликовъ и черныя точки зрачковъ и черты той же строгости стиля.

Тщательная работа и на этой пиксидѣ показываетъ линію по подолу одежды, даетъ локоны и сѣтку волосъ на головѣ. При естественности движеній и при нормальности торсовъ и конечностей, которыя не удлинены и не утолщены, какъ встрѣчается на другихъ памятникахъ, стиль Люксембургской пиксиды можетъ быть сопоставленъ со стилемъ обломка нашей пиксиды. При такихъ данныхъ стиля и техники

¹⁴⁾ Дырочки въ глазахъ могли служить для пасты; сверлины, находящіяся у головы Апостола, служили для прикрѣпы внутренней облицовки пиксиды. Внутренняя сторона сосуда носитъ слѣды орнамента синею и красною краскою; слѣды синей и коричневой краски замѣтны и на поверхности рельефовъ.

можно отнести обломок пиксиды къ V вѣку и скорѣе ко второй его половинѣ, чѣмъ первой.

Первая находка на Кавказѣ памятника, восходящаго къ такой почтенной древности, является интересной сама по себѣ въ томъ смыслѣ, что предметъ извлеченъ изъ погребальнаго склепа и слѣдовательно не можетъ быть считаемъ за предметъ, изготовленный позднѣе остальныхъ предметовъ, найденныхъ въ склепѣ, и долженъ быть ранѣе самаго погребенія. Если относительно Эчмиадзинскаго диптиха VI вѣка неизвѣстно, въ какое время онъ сталъ украшеніемъ ризницы, то на счетъ обломка пиксиды не можетъ быть никакихъ сомнѣній, что онъ появился на Кавказѣ въ V вѣкѣ. Такое данное имѣетъ свою важность для археологій Кавказа, поставляющаго громадное количество памятниковъ христіанской древности вплоть по XVI—XVII столѣтія. Становясь въ рядъ тѣхъ немногочисленныхъ предметовъ древне-христіанскаго искусства, которые указаны въ сочиненіи Дюбуа де Монпере, Кондакова и отчасти Стржиговскаго, обломокъ пиксиды начинается собою отдѣлъ издѣлій изъ слоновой кости, такъ какъ до сихъ поръ на Кавказѣ еще неизвѣстно подобныхъ предметовъ ранѣе Эчмиадзинскаго диптиха.

Позже въ Историческій музей доставлено изъ той же мѣстности, но безъ болѣе точнаго опредѣленія мѣста находки: глиняный сосудъ, $7\frac{1}{2}$ в. вышины, изъ темной глины, въ формѣ птицы, напоминающей цесарку; пара золотыхъ серегъ, совершенно подобныхъ изображеннымъ въ упом. соч. Шантра, t. III, pl. XIV, 7; 2 золотыя индикаціи съ лицевой стороны золотой монеты Юстиніана II Ринотмета и его сына Тиверія IV (705—711), изображ. у Сабатье на табл. XXXVIII, 9, и 12 золотыхъ индикацій, съ лицевой стороны золотой монеты Льва III (716—743), изобр. тамъ же, на табл. XXXIX, 20. Индикаціи, очевидно, служили украшеніемъ одеждъ, такъ какъ всѣ имѣютъ отверстія. Всѣ упомянутыя находки имѣютъ важное значеніе для могильниковъ данной мѣстности, такъ какъ довольно точно опредѣляютъ эпоху устройства баксанскихъ могилъ.

II

Къ вопросу о древнемъ поселеніи вблизи Евпаторіи.

Западный берегъ Таврическаго полуострова представляетъ чрезвычайно интересное поле для археологическихъ изслѣдованій; новѣйшія эпиграфическія данныя подтвердили свидѣтельства древнихъ писателей, что здѣсь находилась Керкинитида, Калось - Лимень и „другія укрѣпленія“. Большинство изслѣдователей, занимавшихся древнею топографіею этой мѣстности, за исключеніемъ очень немногихъ (Бруна, П. О. Бурачкова), ограничивались одними кабинетными работами, тогда какъ вопросъ этотъ можетъ быть рѣшенъ положительно только тогда, когда приступать къ археологическимъ изысканіямъ, раскопкамъ, такъ сказать, провѣрять то, что добыто кабинетною работою.

Послѣдній разъ въ 1880 году г. Бурачковъ изслѣдовалъ побережье Чернаго моря въ предѣлахъ Евпаторійскаго уѣзда; его изслѣдованія, вблизи самой Евпаторіи несмотря на всю тщательность ихъ дали чрезвычайно незначительный археологическій матеріалъ и не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Послѣ того свѣдѣнія наши о древнихъ поселеніяхъ западнаго побережья Крыма дополнились находкою въ 1891 г. въ Херсонесѣ гражданской присяги херсонесцевъ (см. Матеріалы, изд. Археолог. Комиссіею, вып. 9) съ упоминаніемъ тѣхъ же, извѣстныхъ городовъ Керкинитиды, Калось-Лимена, но вопросъ съ археологической стороны не подвинулся нисколько.

Случайныя открытія древностей вблизи Евпаторіи въ 1893 г. заставили меня отправиться туда, чтобы собрать всѣ данныя этихъ случайныхъ открытій и лично осмотрѣть находки, которыя являются чрезвычайно интереснымъ матеріаломъ для археологій Евпаторійскаго уѣзда вообще и окрестностей Евпаторіи въ частности, такъ какъ вносятъ большой интересъ къ вопросу о древнемъ поселеніи вблизи Евпаторіи.

Первоначальное, древнѣйшее поселеніе вблизи Евпаторіи, повидимому, можно отнести къ доисторической древности, какъ показали раскопки П. О. Бурачкова (находка кремневыхъ наконечниковъ стрѣлъ)¹⁾, находки Д. Я. Самоквасова²⁾, а также мои многочисленныя находки въ пескѣ наконечниковъ стрѣлъ и различныхъ орудій каменной культуры.

Находки остатковъ исторической культуры были констатированы

¹⁾ Записки И. Одесскаго Общ. Исторіи и Древностей, томъ XII, стр. 245.

²⁾ Проф. Д. Я. Самоквасовъ. Основанія хронологической классификаціи и каталогъ коллекціи древностей, стр. 85.

П. О. Бурачковымъ, который въ 1873 г. ¹⁾ писалъ, что „начавъ свои изслѣдованія отъ Карантина, т. е. съ оконечности нынѣшней Евпаторіи, мы почти на каждомъ шагѣ встрѣчали обломки отъ греческихъ амфоръ, по большей части съ клейменными ручками. Монеты Херсонскія и Керкинитидскія, находимыя въ этой мѣстности, принадлежатъ періоду времени, совпадающему съ поступленіемъ Херсониса подъ покровительство Миерадата“. Я не знаю насколько многочисленно было количество собранныхъ г. Бурачковымъ амфорныхъ ручекъ съ клеймами, но долженъ замѣтить при этомъ, что, занимаясь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ изслѣдованіемъ именно этого мѣста, мнѣ ни разу не попалось ни одной ручки съ клеймомъ, да и вообще никакихъ надписей на обломкахъ сосудовъ, исключая 2 найденныхъ въ 1893-мъ году и упомянутыхъ ниже.

Въ 1880 году г. Бурачковъ изслѣдовалъ городище въ этой же мѣстности (т. е. на пространствѣ отъ Карантина до Майнакского озера), но ближе къ озеру, о чемъ почтенный изслѣдователь писалъ, что „несмотря на самыя тщательныя поиски на всемъ пространствѣ городища, ни одному изъ рабочихъ, въ количествѣ разновременно 100 человекъ, не удалось встрѣтить ни монетъ, ни другихъ предметовъ кромѣ кусочковъ стекла и одного горлышка отъ амфоры съ надписью *ΒΟΙΤΑΣΙΜΟΥ*“ ²⁾.

Кромѣ этого, г. Бурачковымъ найдено кладбище какъ древнѣйшихъ первоначальныхъ обитателей этой мѣстности (найдено 2 грубыхъ кремневыхъ наконечника стрѣлъ), такъ и позднѣйшихъ, представляющее „на глинистой почвѣ мѣста, обложенныя въ видѣ кружковъ нѣсколькими камнями, глубоко вошедшими въ землю“. Описаніе изслѣдованія одного изъ такихъ мѣстъ помѣщено въ Извѣстіяхъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, въ XII томѣ на стр. 246 и особеннаго интереса не представляютъ, такъ какъ найдено „одно желѣзное стремя и 2 желѣзныхъ кольца отъ удила съ выпуклыми шариками“, нѣсколько мелкихъ вещей, да изогнутой формы сабля.

Что касается находокъ Д. Я. Самоквасова, то онѣ были слѣдующія ³⁾: „Треугольный бронзовый наконечникъ стрѣлы, бронзовый гвоздь, изогнутая бронзовая проволока, фигурная бронзовая бляха, фрагменты бронзовыхъ бляхъ разной формы; спиральное кольцо изъ серебряной проволоки, сережка изъ тонкой серебряной проволоки, серебряное проволочное колечко, стеклянная буса, фрагменты стеклянныхъ браслетовъ,

¹⁾ Извѣстія Одесскаго Общ. Истор. и Древностей, т. IX, стр. 122.

²⁾ Извѣстія Одесскаго Общ. Истор. и Древ., томъ XII.

³⁾ Каталогъ коллекціи древностей проф. Д. Я. Самоквасова, 1892 г., стр. 85.

подвѣска изъ продыравленной морской раковины, глиняная и шиферная пряслицы, кремневые осколки разной формы, пять желѣзныхъ ножиговъ, донышко терракотоваго, покрытаго чернымъ лакомъ, сосуда съ вытиснутымъ узоромъ и автономная мѣдная херсонесская монета“.

Переходя далѣе къ послѣднимъ находкамъ, считаю не лишнимъ помѣстить обстоятельства, вызвавшія ихъ.

Вся западная часть окрестностей Евпаторіи, отъ такъ называемаго Карантина до Біюкъ-Майнаксаго озера, раздѣлена на *участки*, величиною въ 1 десятину и отдается городомъ въ аренду подъ постройку „дачи“. Многіе участки, взятыя для этой цѣли, разрабатываются: земля перекапывается, удобряется и дѣлается болѣе годной для виноградниковъ, баштановъ и—вообще растительности. Разрабатывая такимъ образомъ участки подъ плантажи, рабочіе, копая не глубже пяти четвертей, нашли случайно нѣсколько склеповъ, гробницъ, погребальныхъ урнъ, а также нижеописанныя вещи, которыя указываютъ, что здѣсь было древнее кладбище, которое, судя по найденнымъ предметамъ, можетъ быть отнесено къ первымъ вѣкамъ до Р. Х.

Находки 1893 года сосредоточены въ 3-хъ *участкахъ*, изъ коихъ каждый названъ по номерамъ. Всѣ они находятся въ 250—400 саж. отъ моря, между Карантиномъ и валомъ, оставшимся послѣ Севастопольской войны, саж. въ 50 отъ послѣдняго, а также недалеко отъ дороги, идущей изъ Евпаторіи къ Біюкъ-Майнакскому озеру и къ грязелѣчебному заведенію.

Первый участокъ.

1) Стекланный сосудикъ въ формѣ амфоры съ двумя ручками, расширяющимся горлышкомъ и острымъ дномъ, высотой 10 сантим., изъ темносиняго стекла съ разводами, голубыми и желтыми.

Сосудикъ этотъ найденъ у изголовья дѣтскаго остова, въ землѣ, смѣшанной съ золою и кусочками угля, при чемъ никакихъ другихъ вещей найдено не было. Былъ ли заключенъ названный остовъ въ каменной гробницѣ, рабочіе рѣшительно сказать не могли, такъ какъ плиты встрѣчались часто, вынимались безъ всякаго вниманія и складывались въ кучи по мѣрѣ ихъ находженія.

2) Лекиѳъ глиняный, высотой около 13 стм. съ одною ручкою, съ изображеніемъ палестрической сцены, довольно грубой работы; фигуры черныя по красному полю; подъ горлышкомъ изображенъ пѣтухъ. Лекиѳъ этотъ найденъ въ глубинѣ 1 арш. въ глинистомъ грунтѣ, совершенно отдѣльно, т. е. безъ костяка или другихъ какихъ либо вещей. Къ югу отъ этихъ предметовъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, найденъ склепъ около 4 арш. длины и 2 арш. ширины,

сложенный изъ тесанныхъ громадныхъ известковыхъ камней. Длина плить равняется 2 - мь арш. (почти соотвѣтствуетъ ширинѣ склепа), ширина около $\frac{3}{4}$ арш., высота $\frac{1}{2}$ арш. Гробница эта, расположенная по длинѣ съ востока на западъ, заключала въ себѣ остовъ, который былъ вынуть рабочими. Случайно сохранившаяся нижняя и верхняя челюсти дали мнѣ возможность заключить, что остовъ принадлежалъ молодому лицу, такъ какъ зубовъ мудрости еще не было. Что было найдено въ этой гробницѣ — не извѣстно; замѣчу только, что кругомъ этой гробницы, земля, которая была взрыта, была усѣяна массою обломковъ большихъ амфоръ, видимо (судя по излому) только что разбитыхъ, а разрывая землю, выброшенную изъ этой гробницы, мнѣ удалось собрать частицы разбитыхъ черепковъ, покрытыхъ черной поливой съ вытиснутымъ узоромъ, при чемъ изъ нихъ можно было возстановить нижнюю часть разбитаго сосуда.

Нѣсколько выше этихъ находокъ, т. е. къ сѣверу, была найдена гробница, выложенная изъ тесаныхъ известковыхъ камней, длиною $3\frac{3}{4}$ ар., шир. 1 ар. 2 вер. и глубиною $\frac{1}{2}$ арш. Что было въ ней, кромѣ костяка, — не знаю; въ настоящее время частью этой гробницы воспользовались, чтобы сдѣлать изъ нея колодезь. Вблизи ея немного на сѣверъ нашли большую цѣльную амфору 13 вер. вышины.

Второй участокъ.

На этомъ участкѣ была сосредоточена самая интересная часть находокъ 1893-го года. Этотъ участокъ находится въ 50 саженьяхъ на востокъ отъ перваго и такимъ образомъ ближе подходитъ къ французскому валу, оставшемуся послѣ севастопольской войны. Здѣсь, на этомъ участкѣ, найдена гробница, подобная второй изъ вышеописанныхъ, расположенная также по длинѣ съ востока на западъ, такихъ же размѣровъ и глубиною въ 1 арш. Въ ней найденъ былъ одинъ лишь костякъ, черепъ

Рис. 2

котораго я взялъ. Вблизи этой гробницы, нѣсколько на востокъ, найденъ кувшинъ, высотой $9\frac{1}{2}$ верш., содержащій въ себѣ остатки костяка. Кувшинъ этотъ имѣетъ круглую форму и широкое расширяющееся кверху горлышко. Подобнаго рода кувшины я видѣлъ въ музеѣ Херсонеса. Въ этомъ же участкѣ недалеко какъ

отъ гробницы, такъ и отъ кувшина найдены слѣдующіе предметы:

1) Бронзовая монета города Каркениды, типа — до сихъ поръ не описаннаго (см. рис. 2). На лицевой сторонѣ изображена Ника съ пальмовою вѣтвью въ рукѣ; надпись (имя города) *КАРК*. На обратной сторонѣ изображенъ левъ, напавшій на быка; внизу — имя чинов-